

Н А Ч А Л О

ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

G. F. Карпов

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОРОТЪ, Д. ШИЛОВЪ.

1873.

Star 55. 3.

Harvard College Library
Sept. 3, 1913
Bequest of
Jeremiah Curtin

2047-19

BOUND SEP 17 1914

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Источниками для описанія начала исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго служатъ, прежде всего, дошедшіе до насъ въ той или другой формѣ собственные его рассказы о своемъ дѣлѣ. Но относительно ихъ нужно сказать, что Богданъ Хмельницкій писалъ и рассказывалъ о своемъ дѣлѣ, съ одной стороны страшно напуганный врагами, а съ другой—кипя къ нимъ ненавистью. Его рассказы о самомъ себѣ обыкновенно пополняются тѣмъ, что писали и говорили поляки о немъ, сначала для оправданія незаконныхъ преслѣдованій стараго казака, а потомъ для объясненія неслыханныхъ своихъ пораженій. Ко всему этому присоединяются всевозможные слухи о Богданѣ Хмельницкомъ, ходившіе въ русскомъ и польскомъ обществѣ середины XVII вѣка. А не трудно понять, какого свойства бывали иногда эти слухи: необычайно быстрое превращеніе простаго чигиринскаго сотника въ вождя цѣлаго народа, въ зна-

менитаго историческаго дѣателя, подѣйствовало сильно на фантазію современниковъ. Наконецъ, творчество современной фантазіи продолжалось и потомствомъ, и это продолженіе также нашло себѣ мѣсто въ исторіографіи. Блестящіе подвиги героя и ихъ результаты сдѣлались любимымъ предметомъ народной поэзіи, неисощимымъ матеріаломъ для историческаго романа, и самымъ удобнымъ средствомъ для проведенія извѣстныхъ тенденцій подъ покровомъ историческаго повѣствованія.

Если свести извѣстія всѣхъ этихъ разнообразныхъ источниковъ, то получится довольно развитой и стройный мнѣ о началѣ исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго. Но для того, чтобы не повторять и не участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи этого мнѣа, а по возможности указать происхожденіе баснословія о Богданѣ Хмельницкомъ и выдѣлить изъ него дѣйствительно совершившіеся факты, мы поставили главной задачей настоящаго изслѣдованія не только изучить первоначальные и наиболѣе чистые источники, но и выставить ихъ на первый планъ изъ массы другихъ для объясненія событій.

ГЛАВА I.

МАЛОРОССИЙСКОЕ КАЗАЧЕСТВО НАКАНУНѢ ВОЗСТАНІЯ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія польскія власти въ Малороссіи вводили между тамошними казаками гражданскій порядокъ. Дѣло наконецъ коснулось вопроса о правѣ казаковъ на владѣемые ими земли. Въ формѣ ли общаго описанія земель или въ частныхъ случаяхъ, въ приложеніи къ извѣстнымъ лицамъ, только власти съумѣли затронуть этотъ самый щекотливый на свѣтѣ вопросъ. Прежде чѣмъ произвести опись земель по существующему владѣнію, чтобы тѣмъ опредѣлить его на будущее время и выдать владѣльцамъ на земли крѣпостные акты, паны-державцы не производя въ дѣйствительности никакого описанія, стали требовать отъ казаковъ таковыхъ документовъ, о приобрѣтеніи которыхъ тѣ, какъ то на всемъ свѣтѣ бывало при подобныхъ обстоятельствахъ, прежде не позаботились. Кромѣ того, казацкія имущества облагались со стороны властей

всякими податями, отъ которыхъ казаки какъ себя, такъ и свои земли считали совершенно свободными. Введеніе таковыхъ порядковъ между казаками производилось усиленно; но при этомъ случилось съ панами, какъ выражается малороссійскій лѣтописецъ, „що натрафили они на человѣка на одного, у которого отняли пасѣку, которая всей землѣ польской начинила бѣды. А тимъ способомъ:

„Въ Чигиринѣ мѣстѣ (городѣ) мешкалъ сотникъ Богданъ Хмельницкій, казакъ росторопный въ дѣлахъ казацкихъ военныхъ и у писмѣ вѣжливый (свѣдущій).“ Когда паны коснулись и его собственности, то онъ поднялъ все для защиты ея и подкончилъ, какъ извѣстно, тѣмъ, что совершенно уничтожилъ значеніе того государства, въ которомъ могли безнаказанно происходить подобныя правонарушенія, какія случились по отношенію къ нему и его товарищамъ.

Но прежде чѣмъ говорить о томъ, что вызвало лично самого Богдана Хмельницкаго на широкое историческое поприще, мы, чтобы получить твердую опору для разсказа объ этомъ, должны объяснить еще одну сторону дѣла: каково было общественное и матеріальное положеніе тѣхъ, которые пристали къ бунтовщику, то есть малороссійскаго казачества, сыгравшаго въ дѣлѣ возстанія Малороссіи главную роль. Здѣсь мы не будемъ разбирать, какимъ образомъ были приведены дѣла къ извѣстному положенію: наша задача указать, въ какомъ состояніи они находились въ то время, когда паны выжили Богдана Хмельницкаго изъ Украйны.

Совѣтъ не для уменьшенія значенія личности Богдана Хмельницкаго въ дѣлѣ освобожденія Малороссіи отъ польской власти, а также и не для оправданія его, должно сказать, съ самаго начала, противоположное тому, что о немъ распустили паны. Богданъ Хмельницкій, никогда заранее до своего бѣгства изъ Украйны, необдумывалъ плана возстанія и положительно не составлялъ никакого заговора. Польскія власти въ Малороссіи устроили дѣла такъ, что Богданъ Хмельницкій, или кто бы нибылъ на его мѣстѣ, если бы вздумалъ начать возстаніе, могъ смѣло рассчитывать на поддержку со стороны не только городского казначества, но и почти всего населенія страны.

Впрочемъ польскія власти знали о такой готовности Малороссіи къ возстанію, хотя и объясняли это дѣло по своему. Вотъ напримѣръ, что пишетъ главнокомандующій правительственныхъ войскъ, собранныхъ противъ Богдана Хмельницкаго, еще до начала военныхъ дѣйствій. Онъ въ письмѣ къ королю, объясняя почему двинулся съ войсками на Украйну, говоритъ: „вѣрно Господь Богъ, при постоянномъ счастьи вашей королевской милости, возвышаетъ своимъ святымъ провидѣніемъ отечество наше, что совѣтъ разныхъ сенаторовъ и моя опытность въ подобныхъ случаяхъ пробудили въ сердцѣ моемъ намѣреніе поспѣшить съ войсками на Украйну“. За симъ коронный гетманъ постоянно проговаривается, что причины, могущія поднять страшный бунтъ, заключаются въ недовольствѣ казаковъ законнымъ порядкомъ, „для водворенія котораго было много пролито благородной кро-

ви". И мы съ своей стороны, непускаясь въ особенныя подробности, объяснимъ, каковъ былъ этотъ законный порядокъ, поддерживаемый только готовностію со стороны пановъ проливать за него свою кровь *).

Въ основѣ казацкихъ порядковъ лежитъ, какъ извѣстно, принципъ выбора излюбленныхъ начальниковъ, вождей по доблести. Но власти устроили казацкое начальство иначе. Главный начальникъ казаковъ былъ коронный гетманъ; по отношенію къ казакамъ его должность соответствовала теперешнему атаману казачьихъ войскъ. Мѣсто короннаго гетмана на самой Украинѣ занималъ казацкій комиссаръ, по нашему наказный атаманъ. Только во время военныхъ дѣйствій отдѣльными казацкими отрядами командовали самостоятельно ближайшіе начальники казаковъ, и въ это время они, можетъ быть, какъ въ послѣдствіи, назывались наказными гетманами (по нашему — походный атаманъ). Ближайшими начальниками казаковъ по полкамъ были полковники. Но, можетъ быть, для предупрежденія независимости полковниковъ и они назначались вновь не по выбору казаковъ, а отъ короннаго гетмана и, какъ говорятъ, не всегда изъ казаковъ, а часто изъ шляхтичей. Полковники съ своей стороны старались недопускать казацкаго выбора по отношенію къ сотникамъ и назначали ихъ отъ себя. Такіе порядки въ Войскѣ Запорожскомъ городовомъ стали вводиться около

*) Нижеслѣдующій рассказъ этой главы основанъ главнымъ образомъ на документахъ, напечатанныхъ въ Памятникахъ Киевск. Комм. т. I, отд. III, №№, 1, 2, 3, 4, 7, 10, 24 и 25.

1640 года; такъ что къ 1648 году прежде выбранныхъ казаками полковниковъ и сотниковъ оставалось очень немного. Но и большинство этихъ послѣднихъ было поставлено властями въ такое положеніе, что они сочувствовали новымъ порядкамъ.

По отношенію къ массѣ казачества законный порядокъ былъ таковъ: казаки были переписаны въ реестръ и число реестровыхъ не должно было превышать шести тысячъ человѣкъ. Изъ подозрѣнія къ казакамъ, какъ говорятъ, власти прибѣгали къ простому средству. Московскому посланнику Кунакову рассказывали въ Польшѣ, *) что „въ Запорожскомъ Войскѣ ляхи служили въ полкахъ: въ одномъ полку ихъ было двѣсти, а черкасѣ восемьсотъ; да въ четырехъ полкахъ ляховъ по сту, а черкасѣ по пятисотъ“.

Для стѣсненія вообще казацкаго своеволія у днѣпровскихъ пороговъ былъ построенъ Кодакъ, укрѣпленіе, долженствовавшее мѣшать казакамъ безъ позволенія начальства ходить на военный промыселъ, а также служившее для наблюденія за Запорожьемъ. На самомъ Запорожьи, если не постоянно пребывали, то очень часто появлялись отряды польскіе и реестровыхъ казаковъ. Они приходили на Низъ для наблюденія за движеніями татаръ въ степяхъ; но при этихъ походахъ поляки еще наблюдали и за бѣглыми на Запорожьи и имѣли склонность возвращать ихъ, хотя можетъ быть только нѣкоторыхъ на прежнія мѣста жительства. Какъ

*) Акты Южн. и Зап. Росс. т. 3, № 243; о Кунаковской запискѣ будетъ сказано ниже.

увидимъ, это чуть-чуть не случилось и съ самимъ Богданомъ Хмельницкимъ. Такое стѣсненіе Запорожской Сѣчи въ правѣ давать убѣжище всѣмъ являлось для казаковъ крайнимъ нарушеніемъ ихъ правъ и вольностей. Бѣглыми запорожцы пополняли свои ряды; но тѣмъ самымъ ихъ интересы вступали въ рѣзкое столкновеніе съ интересами правительства. Вотъ взглядъ казаковъ на Запорожье, высказанный устами самого Богдана Хмельницкаго. Онъ въ письмѣ на имя короля, по поводу своего дѣла, пишетъ: „мы не избрали другой страны (бѣжавши изъ Украйны), кромѣ нашихъ обыкновенныхъ мѣстъ на Запорожьи, откуда предки наши съ давняго времени привыкли свидѣтельствовать свое вѣрное подданство и служить коронѣ польской и вашей королевской милости. Но и здѣсь на Запорожьи не дали намъ покою, не обращая вниманія ни на какія права и преимущества“. — Не знаемъ, имѣли ли польскія власти какое нибудь вліяніе на назначеніе старшихъ на Запорожьи. Однакоже, кажется, и кошевая старшина была поставлена въ такое положеніе, что готова была исполнять всѣ требованія властей.

Хотя польскія власти въ Малороссіи постоянно повторяютъ, что казаки были недовольны законными порядками и въ особенности устройствомъ ихъ начальства; но полагаемъ, что какъ низовые казаки, такъ тѣмъ болѣе городовые ужились бы со всѣмъ этимъ. Объ отношеніи городовыхъ казаковъ къ устройству ихъ управленія мы знаемъ совсѣмъ не то, что говорятъ ихъ враги. Хотя казаки постоянно толкуютъ о своихъ правахъ и вольностяхъ, од-

нако, напримѣръ, относительно права выбора своего верховнаго начальника, гетмана, они были довольно равнодушны и нескоро пришли къ убѣжденію въ необходимости отстаивать это право. Даже самому Богдану Хмельницкому долго и послѣ его побѣдъ настоящимъ верховнымъ казацкимъ военачальникомъ представлялся не иной кто, какъ тотъ же коронный гетманъ. Не только на выборъ гетмана, но даже на право выбора остальной войсковой старшины, полковниковъ и тому подобныхъ начальниковъ, казаки тоже сначала почти не претендовали. Но говоря все это, мы совсѣмъ не утверждаемъ, чтобы казаки вполнѣ сочувствовали указацкому устройству ихъ начальства и законному порядку. Со старыми порядками казаки сжились; съ ними было связано для нихъ много дорогихъ преданій. Недовольство казаковъ происходило совсѣмъ не отъ новыхъ порядковъ, а отъ того, что съ ними являлось на сцену. „Послѣ Булюка, на которомъ ляхи гетманство окончили, насланное ими казакамъ начальство, комиссары и вожди ихъ лядскіе державы, породы и вѣры, такъ ихъ утѣснили, что едва ли кто имѣлъ что либо свое въ дому, oprичъ жены; якъ и сами (казаки) то описали“,—говоритъ лѣтописецъ прежде Хмельницкаго бывшихъ гетмановъ*). И сами паны, несмотря на свое пристрастіе, постоянно проговариваются, что управленіе Войска Запорожскаго было ведено такъ, что оно являлось однозначашимъ съ словами: всяческое беззаконіе, казнокрадство, взяточничество.

*) Лѣтопись Самовидца, стр. 1—6.

Казаки всѣ свои обиды описали въ жалобѣ, поданной ихъ посланниками на сеймъ въ Варшавѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1648 года.

Этотъ документъ, съ поясненіями изъ другихъ источниковъ, по нашему мнѣнію, вполне очерчиваетъ внутреннее состояніе казачества на канунѣ возстанія Богдана Хмельницкаго. По этому мы и беремъ его руководящимъ источникомъ для излагаемой главы *).

*) Этотъ документъ мы беремъ руководящимъ источникомъ преимущественно предъ другими документами, говорящими о томъ же предметѣ, на томъ основаніи, что изъ собственной жалобы казаковъ можемъ непосредственно узнать, чего дѣйствительно они требовали для себя. Документъ же, принадлежащій польскимъ властямъ, мы устраняемъ потому, что поляки положительно не могли сколько нибудь безпристрастно относиться къ предмету, о которомъ говорили. Соответственнаго же по содержанію, такъ сказать нейтральнаго источника, не принадлежащаго ни казакамъ, ни полякамъ, мы не знаемъ. Но такъ какъ поляки постоянно проговариваются объ истинныхъ причинахъ бунта казаковъ, то въ сущности вопросъ о выборѣ руководящаго источника, по отношенію къ теперешнему предмету, сводится къ тому, что мы изъ многихъ должны предпочесть полнѣйшій по содержанію. Въ этомъ отношеніи нигдѣ полнѣе и лучше не сгруппированы всѣ причины, заставившія казаковъ взбунтоваться, какъ въ ихъ собственной жалобѣ.

Жалоба казаковъ, какъ и всѣ ей подобныя документы, истекаютъ по своему содержанію изъ жалобы Богдана Хмельницкаго на его личные обиды. Въ ней мы даже можемъ встрѣтить цѣлыми фразами, заимствованныя изъ ея образца.

Жалоба казаковъ составлена ясно, обстоятельно и систематично. Ее можно даже назвать известнаго рода просьбою о правахъ. Однакоже въ этомъ документѣ мы не отыщемъ требованія со стороны казаковъ какихъ либо высшихъ правъ, во всякомъ случаѣ такихъ, о какихъ привыкли толковать потомки. Потомки обыкновенно представляютъ себѣ казачіи права на основаніи положенія казачества послѣ событій,

Какъ челобитчики сами понимаютъ и въ чемъ видятъ основу своихъ правъ, объ этомъ читаемъ въ первомъ пунктѣ ихъ жалобы:

„Ихъ милости паны-державцы насъ людей рыцарскихъ хуже нежели невольниковъ трактуютъ“.

Въ чемъ собственно заключаются рыцарскія права казаковъ, они того не опредѣляютъ ясно. Но самыя формы трактованія ихъ хуже невольниковъ, а слѣдовательно нарушение правъ и оскорбленіе рыцарской чести, узнаемъ изъ слѣдующихъ пунктовъ жалобы. На основаніи перваго ея пункта можно только сказать, что казаки считаютъ себя среди остальнаго населенія особымъ, такъ сказать, благороднымъ сословіемъ.

Второй пунктъ жалобы гласитъ:

совершившихся при Богданѣ Хмельницкомъ. Въ разбираемомъ же нами документѣ мы видимъ, что побѣдители еще далеко не вошли въ сознаніе своего положенія. Казаки все еще думаютъ недавно прошедшимъ, чувствуютъ его тягость и только спѣшатъ заявить просьбу, чтобы всего этого впредь не повторилось. Это одна сторона жалобы казаковъ; но въ ней есть пожалуй и другая. Это не какая нибудь плачевная челобитная гонимаго, а дѣйствительное требованіе возстановленія нарушеннаго стороною, которая почувствовала, что можно получить силой то, чего прежде нельзя было добиться просьбою. Въ этой жалобѣ мы встрѣчаемъ упоминаніе о дѣлахъ, повинному мало относящихся къ дѣлу казаковъ. Они въ заключеніе своей жалобы связываютъ свои обиды съ обидами всего малороссійскаго народа. Такою связью для казаковъ со всѣмъ народомъ является защита вѣры своихъ отцевъ. Но это—лишь дополненіе къ жалобѣ, къ обидамъ собственно казацкимъ, и его, надо полагать, нельзя назвать совершенно новымъ притязаніемъ казаковъ.

„Хутора, луга, мельницы и все что имъ (панамъ-державцамъ) понравится въ домахъ казаковъ, берутъ насильно, мучать и убиваютъ“.

Съ этимъ пунктомъ жалобы казаковъ тѣсно связанъ по содержанію седьмой пунктъ жалобы Богдана Хмельницкаго, который поэтому и приводимъ здѣсь:

Паны украинскіе урядники насильно берутъ въ домахъ казаковъ все, что имъ понравится; жены казаковъ и ихъ дочери тогда должны плясать, когда они играютъ“.

Оба эти пункта прежде всего замѣчательны тѣмъ, что составлены весьма искусно. Факты, упомянутые въ первой половинѣ ихъ, такъ тѣсно связаны съ описанными во второй, что невозможно растолковать ихъ вопреки тому значенію, какое придаютъ имъ челобитчики, то есть, что описанныя дѣйствія пановъ урядниковъ, по отношенію къ казакамъ, не слѣдуетъ иначе признавать какъ оскорбительнѣйшимъ насиліемъ.

Но такъ ли было въ дѣйствительности? По первой половинѣ пунктовъ можно сдѣлать предположеніе, что описанныя дѣйствія властей основывались на законѣ. Изъ дѣла Богдана Хмельницкаго увидимъ, какъ у него хотѣли отобрать родовую маетность Субботово за то, что онъ не имѣлъ законныхъ документовъ на владѣніе ею. Точно также и у другихъ казаковъ власти могли требовать доказательствъ права на владѣніе ихъ землями. Богданъ Хмельницкій устранилъ свою бѣду

тѣмъ, что выправилъ себѣ привилей на Субботово; и другіе казаки могли прибѣгать къ подобнымъ же средствамъ защиты. Но не всѣ городовые казаки владѣли собственными хуторами. Большинство ихъ жили на земляхъ, напримѣръ богатыхъ пановъ, такъ что люди власть имѣвшіе, если только хотѣли, могли отбирать у нихъ хутора, луга и мельницы. Здѣсь казаки положительно не могли претендовать ни на какую законную защиту. Эту систему обезземеленія казаковъ Богданъ Хмельницкій, въ письмѣ на имя короля (посланномъ съ разбираемыми Статьями), описываетъ такъ: правительственныя власти въ Малороссіи распространяютъ ее всюду, „забираютъ всѣ наши владѣнія, хотя бы они находились въ имѣніяхъ вашей королевской милости“.

Здѣсь сдѣлаемъ небольшое поясненіе для читателей. Въ приведенныхъ нами пунктахъ казаки жалуются не на войсковыхъ своихъ начальниковъ, а подъ панами-державцами разумѣютъ гражданскія власти Малороссіи. То были старосты. Но впрочемъ послѣдніе, какъ важныя особы, не занимались подобными дѣлами. Они и „на Украинѣ не мешкали, а только урядъ свой держали“; то есть только получали доходы съ ввѣренныхъ ихъ управленію округовъ. Всѣ же дѣла по старостинской должности исполняли ихъ намѣстники—подстаросты. Вотъ эти то урядники и имѣются главнымъ образомъ въ виду въ жалобахъ казаковъ.

Болѣе ясное опредѣленіе нарушенія рыцарскихъ правъ казаковъ читаемъ въ третьемъ пунктѣ ихъ жалобы: